

широкому функціонуванні концепту, в появі численних позитивно забарвлених символів, а також на дериваційному рівні в наявності меліоративних суфіксів.

У когнітивній лінгвістиці зараз актуальним виступає дослідження ментальних особливостей різних народів, з'ясовується структура концептуальних та мовних КС, процеси їх формування. Наша стаття, виконана в семасіологічному напрямку, містить спробу вивчення однієї з численних ділянок української МКС, що може допомогти при формуванні моделі цілісної КС українського народу.

Джерела та література

1. Донченко О. А., Романченко Ю. В. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення). – К.: Либідь, 2001. – 336 с.
2. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Под ред. В. Андреевой, В. Куклева, А. Ровнера. – М.: Локид, Миф, 2000. – 576 с.
3. Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: ракурсы анализа языковой картины мира // Актуальные проблемы менталінгвістики: Наук. зб. – К.: Брама, 1999. – С. 3-8.
4. Карпенко Ю. О. Про назви творів Ліни Костенко // Культура слова. Республіканський міжвідомчий збірник. – К.: Наук. думка, 1991. – Вип. 41. – С. 13-22.
5. Новикова Н. С., Черемисина Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. – 2000. – №1. – С. 40-49.
6. Селиванова Е. А. Принципы концептуального анализа // Актуальные проблемы менталінгвістики: Наук. зб. – К.: Брама, 1999. – С. 11-14.
7. Семенець О. О. Картина світу письменника як чинник формування ідіостилю // Вісник Черкаського університету. Серія “Філологічні науки”. – Черкаси: ЧДУ, 2001. – Вип. 24. – С. 15-20.
8. Словник української мови в 11 т. / За ред. І. К. Білодіда. – К.: Наук. думка, 1978. – Т.9.
9. Тресиддер Д. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т.3.
11. Чабаненко В. А. Основы мовой експресії. – К.: Вища школа, 1984. – 168 с.
12. Шевченко Л. І. Інтелектуальна еволюція української літературної мови: теорія аналізу. – К.: Київс. ун., 2001. – 478 с.

Рубанюк Э. В.

ЦВЕТ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЗНАК

Цвет окружал человека и воздействовал на него с незапамятных времен, так как он является одним из важнейших признаков, которым обладают практически все объекты окружающей нас действительности [9, с. 112], именно поэтому его применение и, соответственно, его обозначения имеют место во всех культурах и языках. Р. Грегори высказывает по этому поводу следующее предположение: мы видим мир «как бы сквозь опыт восприятия древних биологических видов» и опознаем эти объекты «не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько в согласии с тем, о чем мы догадываемся» [9, с. 112].

Многие ученые оперируют в данной связи понятием ассоциативного поля, которое возникает в результате иного объема ассоциативных групп у разных индивидуумов, и причиной этого несоответствия может быть различная мотивированность знака. Полностью мотивированный знак опирается на одну обязательную ассоциацию, а полностью произвольных знак связывается со всеми другими знаками с помощью факультативных внешних ассоциаций. [2, с. 84]

Символика же цвета может базироваться не только на объективных ассоциациях, ее корни могут восходить к культурным, а нередко и к религиозным традициям [9, с. 111]. Вместе с тем, многие исследователи придерживаются мнения, что в общем и целом в разных культурных традициях символика цвета должна совпадать, так как в системе цветовых ассоциаций большую роль играет общечеловеческий фактор, который влияет на процесс цветовосприятия [9, с. 112].

Но в рамках гипотезы лингвистической относительности, где цвет является одним из самых важных аргументов ее доказательства, речь идет об обратном: наименование цвета в разных языках зависит от структуры самого языка и от уровня развития общества, так как человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, который детерминирует человеческие структуры мышления и поведения: в одних языках есть семь основных (однословных) названий цветов радуги (например, русский, русский, белорусский), в других – шесть (английский, немецкий), где-то пять, в языке шона (Родезия) – четыре, в языке басса (Либерия) – два [7, с. 64].

Представители более современной антропологической лингвистики нашли данному факту следующее объяснение: развитие цивилизации – культуры, научного познания – в сущности представляет собой постоянное снятие синкретизма – скрытой многозначности слов, не осознаваемой современниками и свидетельствующей о неразличении многих понятий, т. е. языки тех народов, которые находятся на более ранней стадии развития характеризуются большей степенью синкретичности значения слов, которые употребляются [3, с. 2].

Итак, каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Отсюда следует, что менталитет любого лингвокультурного общества обусловлен в значительной степени его картиной мира, в которой репрезентированы мировидение и миропонимание его членов [6, с. 49]. Под картиной мира понимается система образов, которая лежит в основе индивидуального и общественного сознания [6, с. 50].

В этой связи следует отметить, что концептуальные картины мира у разных людей с одной стороны одинаковы, ибо человеческое мышление едино, а с другой стороны, они могут быть и различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т. д. Немаловажно при этом, что люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке – разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное [6, с. 49-50]

С. В. Гринев выделяет в рамках современной общей семиотики семь аспектов изучения языковых единиц: семантику, денотатику, синтактику, морфетику, синтагматику, эволютику, прагматику [4]. Цвет, как было упомянуто выше, может рассматриваться и как особого рода знак в рамках межкультурной/межличностной невербальной коммуникации, правда, лишенный своего звукового выражения. В данной же статье цвет рассматривается как лингвистический знак в русле вышеупомянутых аспектов изучения языковых единиц общей семиотики.

1. Семантика. Этот раздел занимается такими свойствами знаков, которые характеризуют отношение между знаком и соответствующим представлением. В общей семиотике возможны все достаточно хорошо известные в лексикологии отношения:

- **синонимия.** Цвет траура: черный в Европе, белый в азиатских странах, Индии и Китае, пурпурно-красный – в Бразилии, желтый – в Мексике. [10, с. 21-22]

- **многозначность и омонимия.** *Зеленый* цвет сигнализирует у немцев связь с природой, здоровьем и свежестью, а в странах с климатом джунглей – это цвет связываемый с болезнями; зеленый цвет, как цвет ислама, вызывает в арабских странах особенно положительные эмоции (причем для мусульманина зеленый цвет не успокаивающий, а активный, возбуждающий цвет, так как связан с цветом знамени пророка [10, с. 21-22], в Индонезии же – негативные. В славянской традиции этот цвет ассоциируется в первую очередь с листвой, травой, это цвет молодых побегов, а значит и символ молодости, жизни надежды. *Белый* цвет в Индии, Китае и других азиатских странах является цветом траура, а не чистоты, невинности, непорочности, что характерно для европейской символики [9, с. 111].

- **паронимия,** приводящая к смешению и неправильной интерпретации близких по форме знаков, например зеленая полоса на литовском флаге обозначает надежду, а на белорусском – богатство страны, именно ее леса, занимающие почти 30 % всей территории [8, с. 217].

- **антонимия:** красный и зеленый цвет в светофоре.

- **гипонимия:** увеличение количества полос соответствующего цвета на погонах свидетельствует в Республике Беларусь о ранге военнослужащего, так одна полоска наличествует на погонах до капитана, а две от майора и выше.

2. Денотактика. Связь семантики знака связана с условиями и правилами его интерпретации, а также исследованием типа и степени связи знака с объектом, границ варьирования объектов, представляемых знаком, условий, при которых знак является представителем объекта. *Красный* – это не только цветообозначение, но и синоним слову красивый, ср. *Красная площадь*. Слово белый как цветообозначение был ранее синонимом слову независимый, отсюда и понятие Белая Русь, т.е. независимая Русь (одна из версий происхождения названия Беларусь) в XIII веке от монголо-татарского ига в отличии от черной Руси.

3. Синтактика связана с положением знака и взаимоотношениями знаков в системе знаков. Именно здесь проявляется введенное де Соссюром свойство значимости знака. Легче всего выделить это свойство на основе сопоставления одной системы знаков с другой (с точки зрения содержательного членения универсума) системой знаков, например на основе сопоставления двух языков.

В языке басса, например, одно слово *ztza* обозначает красный, оранжевый, желтый, а *hui* – зеленый, голубой, синий фиолетовый [7, с. 64], что свидетельствует о большей многозначности слов языка басса, занимающих большее семантическое пространство.

В языке шона слово *ciɽwika* служит обозначением для красного и оранжевого, *ciɽepa* – желтого и зеленого, *ciɽepa* – голубого и синего, *ɽuvina* – фиолетового. Слова языка шона занимают меньшее семантическое пространство, чем слова языка басса и большее, чем европейские языки, немецкий, английский, русский.

В данной связи можно отметить и следующее: ни английский, ни немецкий языки не имеют обозначения для синего цвета: так синий и голубой на немецкий переводятся как *blau*, а глагол *blauen* – на русский только как синеть о небесах. В английском наблюдается аналогичная картина *blue* – это и синий, и голубой и лазурный. Синий цвет переводится как *dark blue*. Нечто похожее происходит и с бордовым цветом: в немецком языке употребляется заимствование из французского *bordeaux rot*, или же немецкий эквивалент *weinrot*, притом, что вино может иметь разные цветовые оттенки. В английском языке также нет однозначного эквивалента.

4. Морфетика связана с внешней формой и структурой (внутренней формой) знака. В первом случае рассматриваются такие аспекты: внешняя форма, размер, и, несомненно, цвет. В светофоре, например, наиболее важным, отличительным признаком является именно цвет сигнала, а форма и размер светильников не играет существенной роли – они могут быть не только круглыми, но овальными, квадратными или прямоугольными, большими или маленькими).

Тельняшки тоже имеют разную цветовую гамму, имеющую существенную разницу. Комбинация *сине-белая* свидетельствует о принадлежности к воздушно-десантным войскам, а чередование *черного и белого* является показателем принадлежности к военно-морским силам. В этой связи следует упомянуть известную фразу: *нас мало, но мы в тельняшках*, так как этих упомянутых родах войск, как известно, предусмотрена специальная подготовка, предусматривающая наибольшую выдержку и выносливость.

5. Синтагматика рассматривает вопросы валентности разных типов знаков, то есть их сочетаемости, степени развития и условий такой сочетаемости, пределов реализации в коммуникации типов знаков. Правила такой сочетаемости хранятся в нашем сознании в скрытой форме и проявляются в форме уместности. В большинстве случаев лишены смысла и вряд ли уместны сочетания разных типов знаков, что позволяет исследовать условия их сочетаемости. Например, в армии Республики Беларусь применяются 3 цвета: красный, голубой и зеленый.

Красные канты по брюкам и просветы (полоски) на погонах, а также красный околыш на фуражке свидетельствуют о принадлежности военнослужащего к сухопутным войскам.

Голубые канты по брюкам и просветы (полоски) на погонах, а также голубой околыш на фуражке указывают на военнослужащего авиации или воздушно-десантных войск.

Зеленые канты по брюкам и просветы (полоски) на погонах, а также зеленый околыш на фуражке являются признаками пограничных войск.

Эти цвета не взаимозаменяемые. Исключение составляют только медики, так как цвет на форме свидетельствует о том, к какому роду войск они прикреплены, так что цвет в этом случае взаимозаменяем. Цвет активно применяется и при богослужениях православной или католической конфессий, причем всякий раз он обязательно несет определенную смысловую нагрузку. Верующие могут только по облачению священнослужителей определить в честь кого идет служба. Более того, здесь имеют место замены, так, например, православные

священнослужители используют наряду с желтым оранжевый цвет для своих облачений, голубой наряду с синим, темно-коричневый наряду с черным [1]. У католиков нет оранжевых, синих или темно-коричневых одеяний. Но у них белое облачение равноценно желтому (золотому), этой замены не наблюдается у православных. При целом ряде совпадений (пасхальные службы и литургии в честь мучеников служат священнослужители обоих конфессий, например, в красном) наблюдаются и иные использования цветов: так при ведении заупокойной службы используются православными священнослужителями белые одеяния, а католическими – фиолетовые.

6. **Эволютика.** Рассмотрение знаков в аспекте их эволюции позволяет рассматривать современную типологию знаков как иерархию. Генетически первыми вероятнее всего были естественные знаки (признаки), позднее возникли условные знаки, которые были специально предназначены для формирования, хранения и передачи информации.

Сначала, по-видимому, это были образы, используемые для передачи простейшей информации. *Красный* цвет, например, использовался в первую очередь, как цвет опасности, борьбы, войны, революции, и только а потом – красоты.

7. **Прагматика** включает большое число вопросов, связанных с функционированием знаков, что зависит от отношения пользователя к ним. Это отношение может значительно меняться в зависимости от социального статуса, фоновых знаний и других характеристик отдельных пользователей и групп пользователей, однако по-видимому существует ряд свойств общего характера.

Все увеличивающееся использование цвета, в сочетании с постоянно растущей конкуренцией между фабриками, ищущими новые способы повышения уровня своих продаж, привело к значительному развитию в области психологии цвета. Так, производитель сахара, например, знает, что свою продукцию следует упаковывать в голубую тару, так как это цвет связан со сладостью, а косметические товары в коричневой таре – никто не купит [5, с. 8].

Из вышесказанного напрашивается следующий вывод: цвет может исследоваться в рамках всех семи аспектов исследования лингвистических знаков общей семиотики. Один тот же цвет может иметь разную коннотацию в зависимости от культуры, страны, сферы применения. Речь идет прежде всего о многозначности и многофункциональности данного знака. Поэтому особо важное значение должно придаваться выбору цветового оформления визитки, офиса, упаковки товара и, несомненно, внешнему виду в рамках межличностной и межкультурной (межконфессиональной) коммуникации.

Литература

1. Азы православия. – Изд-во Сатисъ, 2003. – 85 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Гринев С. В. Антропологическая лингвистика. – Белосток, 2003.
4. Гринев С. В. Основы семиотики. – М.: 2003. – 43 с.
5. Люшер М. Цветовой тест Люшера / Пер. с англ. А.Никоновой. – СПб., Сова; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 192 с. (Серия «Психологические практикумы: тесты»)
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
7. Мечковская Н. Б., Плотников Б. А., Супрун А. Е. Общее языкознание. Сущность и история языка. – Мн.: Вышэйшая школа, 1993. – 287 с.
8. Рубанюк Э. В. О необходимости моделирования невербального поведения переводчика в условиях деловой коммуникации. / Язык. Человек. Культура: Материалы международной научно-практической конференции 22 октября 2002 года, Смоленск. – Смоленск: СГПУ, 2002. – С. 213-220.
9. Симонова Е. Г. Цветовое обозначение в свете когнитивных процессов цветовосприятия. / Актуальные проблемы германитики и романистики: Сборник научных статей. – Смоленск: СГПУ, 2003. – Вып. 7. – С. 111-114.
10. Knapp K. Schwarz ist weiß, ja heißt nein / in Fremdgänge. Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. – Bonn: Internationes. – S. 19-24.

Руденко Н. А.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКА В КРЫМСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Одной из центральных, вновь обсуждаемых проблем теории языкознания является проблема определения языка.

По словам В. Библихина, «когда мы имеем дело с наукой, надо помнить, что все ее утверждения имеют форму «если – то», поэтому наука не может в принципе сказать, что такое мир, не узнав у нас сначала, что мы понимаем под миром... понимание мира, как и понимание любого простого начала, например, единства, должно быть сначала заложено в науку, чтобы наука могла его применить» [цит. по Рудяков, 17, 2004].

Из этого высказывания можно сделать вывод, что прежде, чем пытаться охарактеризовать язык, необходимо определить, что он есть такое, определить аспект исследования.

В современной лингвистике существует несколько определений языка. Наиболее обстоятельным, на наш взгляд, кажется определение, предложенное А. Н. Рудяковым, основателем Крымской функциональной школы. Попытаемся представить определение языка с точки зрения лингвистического функционализма.

«Каждая лингвистическая концепция вкладывает в понятие *функциональный* различное содержание. Для одних ученых понятие функции связано с внутрисистемными отношениями лингвистических единиц. Лингвисты Пражской школы трактуют слово «функциональный» шире, относят его к языку и его реализации. В их понимании *функциональный* – такой, который выполняет соответствующее назначение. Такое понимание поддерживают основатели Международного товарищества функциональной лингвистики, выдвигая на первый план коммуникативную функцию языка, так как, по их мнению, основная задача лингвистики – изучение языка в действии: в процессе общения. Для прикладной лингвистики «функция» обозначает какое-либо отношение, соотношение между двумя лингвистическими единицами». [2, 165-166]

Функциональная лингвистика вкладывает в понятие «функциональный» иное понимание. Итак, что же подразумевается под словом «функциональный» и является ли коммуникация основной функцией языка? Вслед за В. П. Кузьминым, представители функциональной школы выделяют три вида качеств реальных универсумов: природные (или субстанциональные), функциональные и системные. Природные качества – это свойства природы, или, точ-